

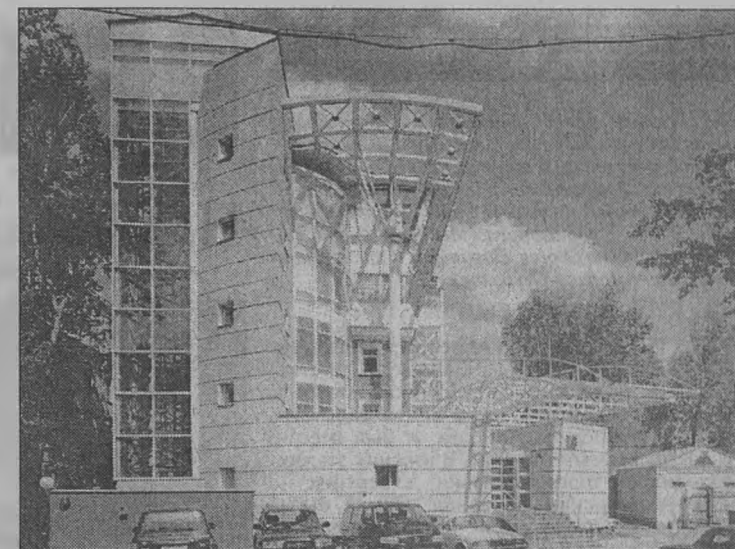
Независимая газета. - 1998 - 18 дек. - с. 14

Особняк в Большом Афанасьевском. Эта классика будет вечной. 1998 г.

Архитектура вроде бы самый очевидный, самый видный род искусства. Книги можно не читать, в кино не ходить, а от архитектуры не скроешься. Но в Москве сейчас все наоборот. Лезут в глаза ХХС, Манежная, башенки, а настоящая архитектура прячется во дворах, под землю, на окраины. Но она есть, и три открывшиеся подряд выставки в этом убеждают. Выставки эти – персональные, а значит, московская архитектура персонализируется, обретает индивидуальный почерк. Замечательно, что все три выставки абсолютно разные и, грубо говоря, представляют три направления. Выставка Александра Асадова в Доме архитектора (организованная Архитектурной галереей и клубом АРС) – это гимн модернизму; выставка Михаила Филиппова в Музее архитектуры (все та же Архитектурная галерея и журнал «Проект Россия») – это чистая классика, а экспозиция Станислава Кулиша и Вадима Липатова на фабрике «V.I.P.» – это попытка совсем нового поворота, «виртуальной архитектуры», как именуют ее авторы. Эта последняя пока, в большей мере проект, черновик, но и игнорировать ее нельзя. Хотя бы потому, что героям ее по тридцать, а значит, как ни крути, будущее за ними.

Независимая газ. - 1998 - 18 дек. - с. 14

Самое знаменитое здание Асадова: офис на Нижней Красносельской. В основе – банальная трехэтажка. Есть проект такого же радикального сопряжения с соседним домом, но как-то жаль портить получившуюся гармонию. 1994–1996 гг.

ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ ПО-МОСКОВСКИ

Выставка Александра Асадова в Доме архитектора

ЕСЛИ ФАМИЛИЯ Филиппова будит в нас кондитерские ассоциации, то Асадова – поэтические. Помните, про не красивую девочку, которую мальчик еще дразнил «тетей колбою», а она-то на самом деле белая и пушистая. Архитектура Асадова Александра с легкостью откликается на эту «рифму». Никакой общедоступной красоты, как у Филиппова, здесь нет. Асадовские сооружения будируют, шокируют, фрустрируют. Формы торчат, висят, кренятся, взлетают и падают. Не таятся, как филипповские, а активно прошибают среду своими дерзкими, рваными, жесткими линиями.

С другой стороны, почти все его постройки это реконструкции. Новые формы нарастают на старых объемах, но прежнее не становится грустной «аппликацией», как это принято нынче в Москве. Оно начинает совершенно новую жизнь, будучи подчеркнуто и выделено. И если во Вспольном переулке (пристройка к 20-й школе) прежний домик лишь выглянул уголком из нового полукруглого объема, то в проекте Стоматологического центра на Новом Арбате асадовская «волна» захлестывает целую пятиэтажку, и та от этого только выигрывает. И это уже не реконструкция, а реабилитация; не римейк типа кинофильма «Ретро втроем», а скорее оригинальная барнетовская лента «Дом на Трубной», но с музыкой Алексея Айги.

Асадовский деконструктивизм оригинален именно тем, как он взаимодействует со старым городом. И каждый стих гоня сквозь прозу, вывихивая каждую строку, привил-таки дерриданства розу к московскому дичку: недаром напротив асадовского сооружения во Вспольном стоит бюстик Мичурина. Правда, идеи деконструкции, которые получают воплощение в архитектуре Захи Хадид или Питера Эйзенмана, у Асадова наличествуют в порядке культпросвета, поскольку здесь на них ничто и никто не откликается. Асадова «не интересует версия разъятого алогичного мира, сознание в постсознательном состоянии, которое вдохновляет архитектуру деконструкции в ее первоисточках, – пишут в каталоге выставки Андрей Кафтанов и Григорий Ревзин. – Ничего разрушать и разрывать он не собирается. Ему нравится форма как таковая. В результате возникает феномен эстетизированной деконструкции. Когда в каждом разрыве плоти нужно видеть не неприятность самого факта разрыва, а красоту его линии. Что в принципе парадоксально: деконструкция, вместо того чтобы деконструировать эстетику, ее утверждает».

В отличие от западных зодчих, Асадов трогательно контекстуален (неожиданная смычка деконструкции с постмодернизмом): радикальные формы ломбарда на Большой Спаской продиктованы одним-единственным странным разворотом существовавшего карниза, безумный рисунок мансарды в Хлебном переулке отталкивался от изначального модерна, а знаменитый, отмеченный кучей наград офис «Трансрейл центра» на Нижней Красносельской увязан не только с проходящей рядом железной дорогой, но и с громад-

ным домом в стиле ар деко на Краснопрудной, который как бы задает тему всего района. Тот же ход – и в реконструкции машковского дома на Плющихе, и дома в Большом Афанасьевском. Интересно, что «жертвой» асадовской деконструкции постоянно оказывается московский модерн: настолько его томная витальность навязла в зубах и давно кажется архитектурному сообществу откровенной пошлостью.

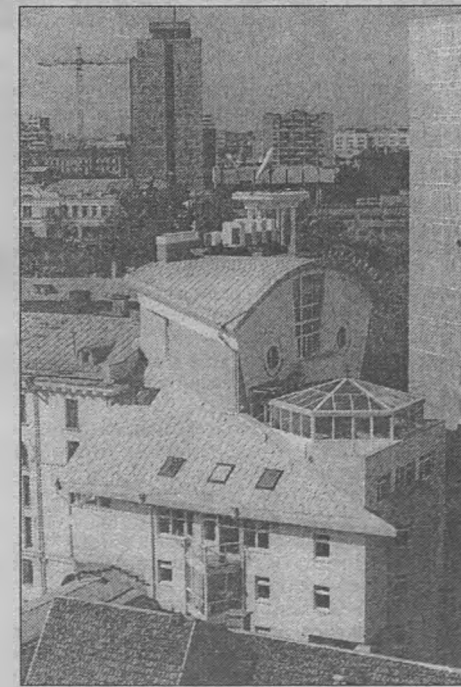
Более спорным представляется проект реконструкции Боровицкой площади: там Асадов спроектировал эдакого «кита», прижавшегося к рельефу и пускающего фонтанчики. Он, может быть, и «ничего не поставив на рельеф, стал рельефом», и, «заполняя пустоту, воплощает пустоту же», как писал в «НГ» Рустам Рахматуллин, но уж слишком сие место безжизненно и уныло, чтобы манифестировать эту данность; слишком редки и экзотичны ракурсы, в которых Пашков дом удачно сопрягается с Кремлем; и, наконец, проект неизбежно выглядит завершением темы Манежной площади, а с этим маразмом соприкасаться и вовсе

Рядом с асадовским проектом бизнес-центра «Стоматология» кажется, что здание СЭВ попало в символы Москвы просто за отсутствием выбора. 1997 г. (Фотомонтаж)

запало. Совсем другое дело – асадовский проект Острова. Вот где у города был шанс рвануть в небо свою Эйфелеву башню, шарахнуть по обывателю эдаким Бобуром! Сколько там было градостроительной чуткости, которая опять-таки не оставалась в рамках аккуратного заполнения пустот, а была переосмыслена и перенаправлена; сколько иронии и глумления: один оборвавшийся над каналом мостик чего стоит. Но и этот проект, как пока и все прочие градостроительные замыслы Асадова, остался невостребован (впрочем, со своей урбанизированной «агорой» он вышел во второй тур конкурса на Крестыанскую заставу).

Цепелин же с рестораном, который висел в проекте Острова на трубах МОГЭСа, встал на попа и скакнул в новый проект Асадова – реконструкции департамента металлургии на Славянской площади. Но тут он уже не кажется таким смешным и точным: может быть, сияющее стеклянное ядро а-ля Фаберже и будет своего рода пеевской пирамидой в Лувре, весело смотря на фоне котельнической высотки, но суровый портик самого департамента, известного как Деловой двор работы Ивана Кузнецова, будет новым соседством неизбежно дезавуирован. На макете все это смотрится эффектно, но блистательные асадовские макеты все равно что филипповские чертежи: в них слишком много шика, чтобы поверить в возможность адекватного воплощения. Филиппов – натурально «бумажник», Асадов – «макетчик», и в этом своем креативе оба чертовски убедительны; но как у первого, так и у второго замысел превосходит реальность: остался на бумаге стеклянный конус Тургеневской библиотеки, завис проект реконструкции Планетария, под вопросом реализация Стоматологического центра. Так что постоянно звучащая в асадовских проектах тема взлета-обрыва становится почти биографической метафорой.

Это не ломбард, это песня. Песня барда про лом. 1997 г.